

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

С чего начинается Родина?

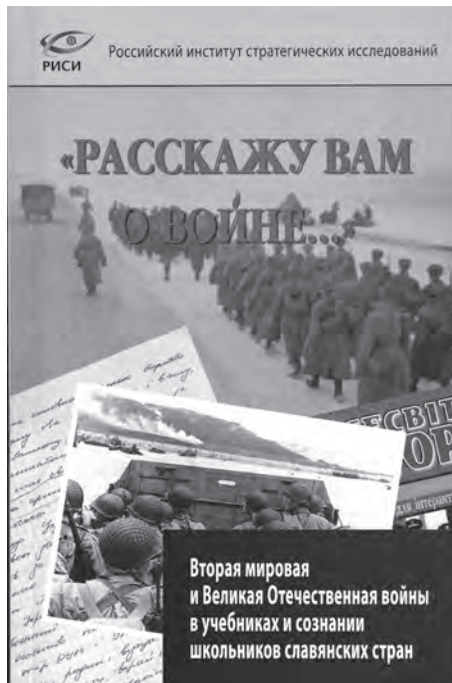
Коллектив ученых из Российского института стратегических исследований (РИСИ) выпустил в свет коллективную монографию, посвященную эволюции образа Второй мировой войны в учебной литературе. Главный вывод, к которому сводятся наблюдения авторов, не вызывает сомнений: к настоящему времени ревизия этого образа, начавшаяся на рубеже 1980—1990-х годов, уже завершилась. Новые концепции причин, характера и итогов войны в национальных историографиях окончательно сложились, свидетельством чему является и содержание соответствующих разделов школьных учебников. Однако, как водится, наиболее интересны детали процесса. О них-то и идет речь в книге.

Определенное влияние на методологию исследования оказала знаменитая книга французского историка Марка Ферро¹.

¹ См. М. Ферро. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.

**«Расскажу вам о войне...»
Вторая мировая и Великая
Отечественная войны в учеб-
никах и сознании школь-
ников славянских стран.**

Кол. авт.: Т. С. Гузенкова (отв. ред.),
Д. А. Александров и др.
М., Российский институт стра-
тегических исследований, 2012.
432 [24] с., илл.

Именно он первым выделил три уровня отраженных в учебниках представлений общества о своем прошлом: «институциональная» (то есть официальная, санкционированная свыше) история; «контристория» (скрытая история побежденных или подавленных социальных групп, обращенная вовне сообщества); индивидуальная или коллективная память.

Ссылки на монографию М. Ферро неоднократно присутствуют в рецензируемой книге (см. С. 8, 427 и др.). Однако в целом исследование РИСИ получилось вполне оригинальным, далеким от немотивированного низкопоклонства перед зарубежными аналогами. Это явствует уже из того, что выводы, сделанные автор-

ским коллективом, по своей тональности не имеют ничего общего с интеллектуальным снобизмом, отличающим умозаключения М. Ферро. Последний, вдоволь поиронизировав над историческими

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Русского исторического общества.

мифами, утвердившимися в учебниках разных стран, «случайно» не обнаружил бревна в собственном глазу: об учебниках истории своей родной Франции историк говорит явно скороговоркой и как-то вскользь. Между тем, авторы рецензируемой книги начинают свой анализ именно с российских учебников истории (см. С. 25—48) и последовательно дистанцируются от любых попыток рассуждать о болезненных вопросах с позиций столь модного ныне квасного патриотизма. Особо замечу: возникает впечатление, что большинству авторского коллектива ближе всего та версия истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, которая нашла отражение в белорусских учебниках (см. очерк О. В. Петровской, С. 49—75), но и их содержание рассматривается весьма критически.

Кроме того, в своей методологии авторский коллектив рецензируемой книги пошел гораздо дальше М. Ферро. В качестве объекта научного анализа выступает не только содержание разделов, посвященных истории Второй мировой и/или Великой Отечественной войн в школьных учебниках славянских стран — России, Белоруссии и Украины (раздел I); Польши, Чехии и Словакии (раздел II); а также Болгарии, Сербии и Хорватии (раздел III), но и представления о военном прошлом соответствующих стран, сформировавшиеся у школьников, учившихся по этим учебникам. Эти представления исследуются на основе данных специально проведенных социологических опросов и содержания сочинений, написанных на соответствующую тему. Группа очерков, содержащая выводы, сделанные по результатам таких исследований, составила последний, четвертый раздел рецензируемой книги, оказавшийся самым пространным (см. С. 311—426).

Авторы стремились выдерживать единство критериев научного анализа, исходя из более-менее общего вопросника при анализе содержания как учебников, так и сочинений, написанных школьниками (а также данных социологических опросов). В наиболее общем виде этот вопросник выглядел следующим образом:

- причины войны; круг конкретных виновных за ее развязывание;
- характер войны;
- хронологические рамки войны;
- роль СССР в войне;
- победители и побежденные; историческое значение победы СССР и его союзников во Второй мировой войне.

Применительно к данным социологических опросов и содержанию школьных сочинений ставились также и вопросы, призванные выявить особенности самосознания школьников, прежде всего — с кем из участников боевых действий Второй мировой и Великой Отечественной войн они ассоциируют себя и свой народ.

В идеале такая методология представляется весьма многообещающей. Наиболее плодотворна уже сама попытка понять, в какой мере школьное преподавание истории влияет на формирование соответствующих представлений учащихся. Не следует забывать, что на эти представления оказывает влияние информация, получаемая из иных источников — кинофильмов (их роль особенно велика для молодых людей из постсоветских государств, для которых все еще доступной остается кинопродукция советского времени), книг, компьютерных игр и др. (см. С. 329 и др.). Но еще важнее то, что сведения, почерпнутые из учебников, источников официальных (то есть исходящих от правящих элит) взглядов на события военного прошлого, порой вступают в противоречие с трактовкой иной, неофициальной истории, отражающей позицию контрэлит либо элементы живой коллективной исторической памяти.

В той или иной степени эта тенденция прослеживается во всех странах, учебники которых анализируются в книге, в том числе и на постсоветском пространстве. Но, пожалуй, особенно отмеченные тенденции проявляются на Украине, применительно к характеристике исторической памяти которой Т. С. Гузенкова употребляет выражение «расколота́я нация» (С. 106). Воспоминания старшего поколения, а также остающиеся в обиходе

книги и фильмы, выпущенные в советское время, а в известной мере — и современные российские представления о Великой Отечественной войне входят в острый конфликт с той официальной версией истории, которая получила распространение в «спускаемой» Киевом учебной литературе. В итоге по целому ряду причин «перевешивает» то официальная, то неофициальная версия.

Не случайно Д. А. Александров, исследовавший представления, проявившиеся в сочинениях украинских школьников, констатирует очевидный факт «разлома» между Западом, Востоком и Югом страны. Пожалуй, особенно явно этот «разлом» проявляется в представлениях юных киевлян, находящихся в расколоте Центре. Эти представления относительно равномерно разделяются на три группы: сторонников «советского подхода к войне», приверженцев новой, «оранжевой», концепции и неопределившихся, «которые пытаются балансировать между первыми двумя взглядами на историю» (С. 403).

Кстати, официальная концепция войны, зафиксированная школьными учебниками, представляется весьма показательной по содержанию: во многом она суммирует тенденции, характерные для всех исследуемых стран. Именно поэтому попытаюсь пересказать ее основные положения, отослав всех интересующихся деталями к исчерпывающему по полноте очерку Т. С. Гузенковой (см. С. 76—110). Период 1990-х — начала 2000-х годов для Украины и ее системы образования стал временем постепенного вытеснения из учебной литературы советских представлений об истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. На смену им приходили концепции, сформированные в историографии, созданной украинской эмиграцией (преимущественно в Канаде и США) в послевоенный период и окончательно восторжествовавшие в «оранжевую» эпоху.

Основными элементами этой концепции стал ряд тезисов, первым из которых является констатация вины Сталина, сталинского режима и «Москвы» в целом за

развязывание Второй мировой войны: при ближайшем рассмотрении эта вина оказывается не меньшей (а в некоторых версиях — даже едва ли не более значимой), чем вина Гитлера, нацизма и нацистской Германии. Вторым ключевым моментом выдвигается тезис о чуждости целей этой войны украинскому народу, оказавшемуся между двух огней в начавшейся «немецко-советской» войне (отсюда — постепенный вывод из обихода понятия «Великая Отечественная война», завершившийся в начале 2000-х годов). В-третьих, следует выделить ту позитивную роль, которая в учебной литературе 2000-х годов приписывается националистическим формированиям ОУН и УПА; их заслугой является будто бы не только борьба за национальную независимость Украины, но и создание альтернативного советско-коммунистическому (или даже единственно истинного) движения Сопротивления на украинской земле (отсюда — требование приравнять ветеранов-националистов к советским ветеранам войны по уровню льгот, которое к началу 1990-х годов получило столь широкую общественную поддержку не только в западных, но и в центральных областях Украины, что с ним был вынужден считаться уже «дооранжевый» президент Л. Кучма).

Наконец, в-четвертых, показательна содержащаяся в значительной части учебной литературы общая оценка итогов Второй мировой войны. Естественно, она оказывается весьма скептической: по мнению авторов учебников, разделяющих соответствующие воззрения, украинский народ не только не вошел в число победителей чуждой ему военной кампании, но и претерпел неисчислимые страдания (к числу которых, помимо экономических трудностей, в равной мере относятся и Холокост, и репрессии НКВД); а потому на страницах школьных учебников Украина предстает как «величайшая жертва» военного лихолетья. При таком подходе события военных лет (за исключением весьма ограниченного круга сюжетов, связанных главным образом, хотя и не исключительно, с деятельностью ОУН и УПА), последовательно «деге-

роизируются»: военные годы предстают исключительно как период колоссальных страданий и жертв (да еще и принесенных за режим, чуждый украинскому народу). Не случайно Д. А. Александров, исследовавший представления украинских школьников о войне, выносит в оглавление своего очерка характерную фразу: «Не важно уже, как закончилась эта война, но в ней погибло множество людей...» (С. 387).

Тенденция к дегероизации истории Второй мировой войны весьма показательна. Она не является случайной и прослеживается далеко не только на Украине. Т. С. Гузенкова, руководитель проекта, результатом которого стала публикация рецензируемой книги, на первых же страницах обращает внимание на тот факт, что «в педагогике уже выработаны методические приемы, с помощью которых осуществляется “военное разоружение” школьных курсов истории, понижается градус героичности в образе войны» (С. 13). Приведенные данные и выводы, сделанные другими участниками проекта, позволяют не только подтвердить, но и существенно дополнить это наблюдение. В целом возникает устойчивое впечатление, что отмеченная тенденция является логичным следствием полной и окончательной победы посткоммунистических элит как на постсоветском пространстве, так и в регионе Центрально-Восточной Европы.

В отличие от правящей верхушки коммунистического периода, широко использовавшей в официальной пропаганде факты, связанные с героическим подвигом коммунистов военного времени, везде (за исключением, пожалуй, лишь Польши и отчасти — Сербии) сыгравших решающую роль в движении Сопротивления, сменившие их посткоммунистические элиты такими фактами не располагают. Применительно к событиям Второй мировой, все еще занимающим значительное место в массовом сознании, подавляющему большинству этих элит нечего предъявить обществу даже на уровне сколь-нибудь логично организованного мифа. Антикоммунизм военного времени в странах

как бывшего СССР, так и Центрально-Восточной Европы, прочно и обоснованно ассоциируется исключительно с коллаборационизмом и предательством, в лучшем случае — с политической импотенцией. Именно эти качества между 1939 и 1945 годами проявили представители тех элитных групп и слоев, преемниками которых (неважно, обоснованно или нет) объявляют себя посткоммунистические элиты. Впрочем, в некоторых странах постсоветского пространства нынешняя правящая верхушка не может предъявить и такой «родословной».

Как уже отмечалось, единственным исключением из этой печальной тенденции является Польша, давшая пример действительно героического и массового некоммунистического движения Сопротивления — Армии Крайовой (см. С. 113—166), да Сербия, где действовали четники Д. Михайловича (см. С. 269—271). В остальных же случаях в официальной учебной литературе прослеживается упорное стремление свести рассказ о войне исключительно к мартирологии. Авторы очерков, составивших рецензируемую книгу, отмечают эту тенденцию, прежде всего применительно к учебной литературе стран, являвшихся сателлитами Гитлера — Хорватии, Словакии, но особенно — Болгарии (см. С. 276—310, 186—202, 205—249). В последнем случае героев-партизан, боровшихся с прогитлеровским авторитарным режимом союзника царя Бориса III (1918—1943), попросту нечем было заменить. Иных же героев в Болгарии эпохи Второй мировой, воевавшей на стороне «оси», просто-напросто не нашлось. Поэтому, за неимением лучшего, авторы учебников делают акцент на лишениях военного времени. Единственным же «светлым пятном» в их изложении оказывается спасение от депортации значительной части (но не всех!) болгарских евреев, что, конечно, позитивно характеризует болгарский народ и в полной мере соответствует новому, «европейскому», вектору политики страны, вступившей в ЕС, — но явно не дотягивает до статуса подвига (см. С. 247—248).

Итак, «новое прочтение» истории Второй мировой в школьных учебниках славянских стран означает в первую очередь «декоммунизацию» этой истории даже там, где это прямо противоречит историческим фактам. Логическим следствием такого подхода является неизбежная (хотя и постепенная) реабилитация коллаборационизма. Позволю себе предположить, что от вероятности такого исхода в перспективе не свободны даже Россия и Белоруссия, где соответствующие подходы еще не отражены в учебной литературе, но уже занимают довольно прочные позиции в сознании части элит. Однако здесь еще можно многое сделать. А вот представления о войне как общем свершении *всех без исключения* народов СССР, занимавшие ключевое место в пропаганде советского времени, уже не вернуть.

Общая война в сознании школьников постсоветского пространства прочно и окончательно сменилась пятнадцатью отдельными войнами, вне зависимости от того, характеризуются они позитивно или негативно. Это справедливо даже для Белоруссии, официальная историография которой наиболее близка к «советской» версии. Великая Отечественная война как важнейшее «место памяти» советского человека больше не существует и заменить ее нечем. А значит, СССР (теперь уже полностью и окончательно!) ушел в прошлое. Авторы очерков, составивших книгу, не акцентируют этот факт специально. Но он логически вытекает из сказанного и едва ли может быть опровергнут.

Строго говоря, только сейчас и начинается по-настоящему *послевоенная* история. К чему она приведет — увидим. ◆